

Амфитеатров Александр Валентинович

В моих скитаньях

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
А63

А63 **Амфитеатров А.В.**
В моих скитаньях / Амфитеатров Александр Валентинович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 314 с.

ISBN 978-5-517-96531-8

ISBN 978-5-517-96531-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Рѣчь автора.

Къ 2-му изданію.

Новое изданіе моихъ балканскихъ очерковъ является съ совершенно новою планировкой матеріала, пересмотрѣннаго и переработаннаго. Пришлось выбросить много страницъ, говорившихъ объ устарѣлыхъ частностяхъ, нынѣ совершенно забытыхъ и не только не интересныхъ, но даже и непонятныхъ уже большинству читателя. Вообще, неприкосновенною перенесена изъ перваго изданія лишь этнографическая и бытописательная часть книги. Изъ политическихъ же набросковъ я оставилъ только тѣ, которые могутъ пригодиться въ качествѣ историческихъ документовъ. Добавленныя мною три довольно большія статьи по „Армянскому вопросу“— результатъ газетной кампаніи про Armenia, которую велъ я въ 1905 и 1906 гг. въ нѣсколькихъ русскихъ періодическихъ изданіяхъ.

Александръ Амфитеатровъ.

1907, VI. 12.
Sestri Levante

АРМЯНСКІЙ ВОПРОСЪ.

I.

Въ февралѣ 1896 года я пріѣхалъ въ Константинополь изъ Софіи — съ торжества присоединенія къ православію болгарскаго престолонаслѣдника. Константинополь былъ еще полонъ слѣдовъ недавней «революціи», какъ почему-то называли въ городѣ только-что пережитую бойню армянъ, организованную полиціей султана Абдуль-Гамида, при посредствѣ подонковъ мусульманскаго Стамбула и подъ охраною регулярныхъ войскъ. Я остановился въ давно знакомомъ мнѣ маленькомъ «Hôtel de France», гдѣ хозяинъ былъ венгерецъ и, слѣдовательно, туркофилъ уже въ силу національнаго происхожденія. Не знаю, гдѣ теперь находится герръ Франкль, ибо въ 1901 году я уже не нашелъ въ Константинополѣ ни его, ни его отеля. Но уповаю, что, нажившись до рантьерства, онъ обратился къ карьерѣ политической, потому что даже и между профессиональными дипломатами посольствъ я почти не встрѣчалъ болѣе основательнаго изученія, болѣе глубокаго пониманія и болѣе тонкой чуткости въ предвидѣннн восточныхъ дѣлъ, чѣмъ у этого интереснаго челоуѣка. Повторяю: онъ былъ туркофилъ, какъ большинство европейцевъ, льготно обитающихъ и промышляющихъ въ Перѣ подъ охраною посольствъ, дѣлающею совершенно незамѣтнымъ мѣстно тотъ деспотическій режимъ, которымъ стиснуты не только страна, гдѣ они живутъ, но даже и другіе кварталы самого Константинополя. Въ Перѣ предъ

европейцемъ все гнется въ кольцо; въ Галатѣ у мусульманской полиціи только и заботы, чтобы охранить франкскую буржуазію и промышленную мастеровщину отъ международнаго, но христіанскаго хулиганства, что осѣло по береговымъ линіямъ Турціи со всѣхъ странъ свѣта и, сліяніемъ своимъ образовавъ странную расу левантинцевъ, хозяйничаетъ въ европейскихъ кварталахъ большихъ городовъ, какъ въ своихъ собственныхъ вертепахъ; въ Стамбулѣ европейцу, если онъ не англичанинъ, уже благоразумнѣе не удалаться за линіи Стараго Базара и Айя Софіи, съ площадью Гипподрома; а на азіатскомъ берегу, въ Скутари, и въ англичанъ часто летятъ камни. Такъ вотъ—даже туркофилъ, до глубины коммерческаго сердца своего благодарный оттоманскому правительству за капиталъ, нажитый подъ его эгидою, и всею душою презирающій всякихъ болгаръ, армянъ, македонцевъ и младотурковъ, которые дерзаютъ поднимать голосъ свободы и даже оружіе противъ благой власти его величества падишаха Абдуль-Гамида,—даже онъ, рассказывая мнѣ объ ужасахъ истребленія беззащитныхъ людей правильно вооруженнымъ и организованнымъ негодяйствомъ, не могъ удержаться отъ слезъ,—говорилъ, блѣдный, трепетный, потрясая поднятыми къ небу руками.

— Это звѣри, синьоръ Алессандро,—восклицалъ онъ: мы съ нимъ всегда говорили по-итальянски,—это сущіе дикіе звѣри! Ихъ надо держать въ клѣткахъ на цѣпи... О! какъ раскается когда-нибудь—и, повѣрьте, скоро!—Россія, что позволила имъ ослабить свои цѣпи и выглянуть изъ клѣтокъ!

На русскихъ стаціонерахъ офицеры дипломатничали, играя въ молчанку, но прорывались хмурыми фразами недовольства и недоумѣнія, зачѣмъ международная эскадра опоздала къ страшнымъ днямъ, когда могла прійти въ-время? Зачѣмъ «Донецъ» простоялъ, молча, передъ Топъ-Хане, когда малѣйшею демонстраціей въ центрѣ ветхаго города,—въ который, безъ дозволенія турокъ, равно трудно

войти и изъ Чернаго моря по Босфору, и изъ Средиземнаго моря черезъ Дарданеллы и Мраморное море, но который совершенно беззащитенъ, какъ скоро въ него вошли, и можетъ быть обращенъ въ прахъ нѣсколькими залпами, что туркамъ очень хорошо извѣстно,—когда малѣйшею демонстраціей могли быть предотвращены тысячи жертвъ? Было трудно сдержать на борту матросовъ, потому что они видѣли и слышали, что происходило на берегу, и рвались къ вмѣшательству. Моряки съ коммерческихъ судовъ, не связанные служебною дисциплиною, рассказывали событія, конечно, съ большею откровенностью. Самымъ страшнымъ эпизодомъ боины было ночное опустошеніе рабочаго армянскаго квартала, гдѣ константинопольская полиція подозрѣвала лагерь, такъ сказать, будущей арміи армянскаго революціоннаго движенія. Здѣсь работали уже не «сволочные люди», какъ выражался о хулиганствѣ нашъ юридическій языкъ въ XVII вѣкѣ, но войска мѣстнаго гарнизона. Сонныхъ, ничего злого не ожидавшихъ, людей рѣзали врасплохъ, какъ барановъ,—безъ выстрѣла: пущены были въ ходъ лишь прикладъ, штыкъ, тесакъ и дубина съ чугуннымъ набалдашникомъ—орудія молчаливыя, но страшныя въ рѣшительныхъ и опытныхъ рукахъ. Сдаваться на волю побѣдителей, просить пощады помогало столько же мало, какъ и защищаться—голыми руками! Трупы грузились въ старые каюки, хорошо заваливались камнями, увязывались веревками и, затѣмъ, вывозились на Золотой Рогъ, гдѣ, подальше отъ береговъ, пробоина въ носу или подъ кормою опускала каюкъ на дно. Затѣмъ, когда убійство утомилось брызгать кровью и мозгами человѣческими, полиція стала топить и живыхъ людей. По крайней мѣрѣ, десять человѣкъ на разныхъ европейскихъ судахъ константинопольскаго порта рассказывали мнѣ, слово въ слово и съ одинаковымъ ужасомъ, какъ заря обнаружила имъ,—безсильно наблюдающимъ съ своихъ палубъ, лишеннымъ какой-либо возможности

вступиться, — эти трагическіе каюки, съ которыхъ, какъ куклы, падали въ воду связанные по рукамъ и ногамъ люди, съ заткнутыми ртами, и рядъ полицейскихъ каюковъ слѣдилъ, чтобы никто не всплылъ, и, если жертва не сразу шла ключемъ ко дну, но барахталась на поверхности, ее добивали веслами... Нейтралитетъ державъ, въ томъ числѣ и нашего отечества, былъ соблюденъ съ такую строгостью, что нѣкоторые армяне, все-таки ускользнувшіе отъ потопленія, не были приняты на европейскія шлюпки и, достигнутые преслѣдователями, погибали на глазахъ тѣхъ, у кого напрасно молили защиты. Только французы не выдержали характера — кое-кого спасли и приютили.

Всѣ эти ужасы принадлежатъ уже исторіи, и ни для кого не тайна что въ этомъ злосчастнѣйшемъ событіи роль пассивной, но, тѣмъ не менѣе, рѣшающей причины сыграла роковая ошибка тогдашней нашей русской дипломатіи. Послѣдняя, во временномъ увлеченіи своемъ панславистическимъ идеаломъ восьмидесятыхъ годовъ, сперва, что называется, «запустила» армянскій вопросъ, не обращая вниманія на требовательность, съ какою оживилъ его § 62 Берлинскаго трактата, а потомъ и вовсе повернулась къ армянамъ спиною — подозрительная и враждебная, потому что султанъ Абдуль-Гамидъ успѣлъ внушить петербургскимъ сферамъ, со свойственнымъ ему талантомъ современнаго Макиавелли, жесточайшія предубѣжденія противъ армянскаго національнаго подъема, представляя его отраслью международной соціальной революціи. Печальное и непоправимое заблужденіе Нелидова и Лобанова-Ростовскаго заставило русское правительство умыть руки въ судьбѣ армянъ. Была произнесена знаменитая фраза, что «Россія не хочетъ второй Болгаріи», — *carte blanche*, чтобы всѣ незначительныя реформы, какими Берлинскій конгрессъ указывалъ армянскому народу тропинку къ автономіи, мгновенно очутились подъ сукномъ, — и для Малой Азіи открылась эра террора, безпримѣрнаго

въ европейской исторіи. Сассунскіе ужасы 1894 года далеко оставили за собою и Вареоломеевскую ночь, и Сицилійскую вечерню, и Кровавую Баню Христіана II, и даже Казанлыкскую рѣзню болгаръ въ Долинѣ Розѣ, воспослѣдовавшую послѣ необдуманнаго набѣга и вынужденнаго отступленія генерала Гурко.

За ошибочную политику умовенія рукъ въ приговорѣ, зависѣвшемъ всецѣло отъ ея воли, Россія заплатила сперва потерю политическаго авторитета въ Малой Азіи и довѣрія христіанскихъ народностей, которыя ранѣе полагали въ ней единственную надежду своего освобожденія; затѣмъ—ужасными закавказскими беспорядками, которые, начавшись спорадическимъ разбойничествомъ разныхъ Кяримокъ, Наби и Мурзакуловыхъ, разгорѣлись въ послѣдствіи въ пожаръ, уничтожившій бакинскую нефть.

62 параграфъ Берлинскаго трактата, которымъ воля Европы предназначала Арменіи тѣ же реформы, что параграфомъ 23 она обѣщала Македоніи, нисколько не подвинулъ впередъ благосостояніе и правовое положеніе армянскаго народа. Что 62 параграфъ не выйдетъ изъ области теоретическихъ предначертаній и осужденъ со временемъ застыть въ мертвую букву, это не только предчувствовали, но и отлично знали всѣ, подписавшіе 13 іюля 1878 года въ Берлинѣ историческій актъ—символь побѣды европейской дипломатіи надъ русскимъ оружіемъ. Надежда реформъ была брошена армянамъ, какъ нравственная подачка, какъ фальшивая милостыня нищему, мимо котораго неловко пройти человѣку благотворительному, вовсе ничего не давъ на его вопіющую бѣдность, но серьезно помочь и нечѣмъ, и не хочется. И вотъ суетъ благотворительный человѣкъ въ протянутую руку... не ходящую въ государствѣ, мелкую иностранную монетку: на, моль! отвяжись! Что усердіе подать съ моей стороны было—Богъ видитъ; ну, а что милостыня моя тебѣ не въ пользу, это ужъ не моя вина, твое дѣло... приспособляйся!.. Къ сожалѣнію, благодѣ-

тельствую армянамъ монетою внѣ обращенія, державы не сообразили степени и мѣры, до которыхъ домучена злополучная нація. Онѣ не приняли въ расчетъ, что утопающій хватается за соломинку, и что армяне, въ своемъ отчаяніи, все-таки начнутъ «приспособляться», чтобы изъ лукаваго теоретическаго миража европейской помощи выжать для себя какое-либо реальное, практическое благо. Осѣнившія угнетенную страну надежды разбудили народное самосознаніе, — въ рабахъ проснулась гнѣвная совѣсть свободаго человѣка. Европа поманила армянъ на волю, и они ринулись къ волѣ. Сперва, — въ наивныхъ упованіяхъ на твердость политическаго честнаго слова, полученнаго ими отъ державъ, — они протестовали громкими жалобами, потомъ и стономъ народнаго броженія; потомъ, — когда убѣдились, что плачутся предъ глухимъ и показываютъ свои раны слѣпому, — вооруженнымъ противодѣйствіемъ варварствамъ турецкаго произвола, партизанскою инсуррекціей, четами сассунской самозащиты Антраника, Вахана, Кеворка и др.

Никогда ни одно освободительное движеніе не было предано и оставлено въ жертву насилію съ большею жестокостью, чѣмъ армянское. Въмѣсто чаемой помощи Европы, повстанцы встрѣтили самое откровенное недоброжелательство всѣхъ великихъ державъ, за исключеніемъ слабосильной Италіи, слишкомъ недавно завоевавшей свою собственную свободу, чтобы измѣнять свободѣ другихъ. Всѣ остальные государства, матеріально заинтересованныя въ Малой Азіи, оказались въ армянскомъ вопросѣ безнадежно связанными либо соперничествомъ вліяній и борьбою за преобладаніе на ближнемъ Востокѣ, какъ Англія и Россія; либо, какъ Германія, искусною политикою Абдуль-Гамида, которую Франсисъ Прессансе остроумно назвалъ «политикою даванія на чай» (*politique de rougboire*); либо подчиненнымъ положеніемъ волѣ другой державы, какъ, со времени франко-русскаго союза, Франція; либо, наконецъ,

совершенно точными и опредѣленными программами своей территоріальной политики, какъ Австро-Венгрія съ ея методическимъ движеніемъ къ Эгейскому морю и глубокимъ равнодушіемъ къ вопросамъ Востока, выходящимъ за предѣлы этой практической задачи. Армянское движеніе не только не встрѣтило сочувствія у правительствъ Европы, но столкнулось съ прямою антипатіей ихъ: оно всѣмъ мѣшало, какъ внезапная безтактность политической искренности и какъ угроза по адресу той великой условной лжи что извѣстна въ политикѣ подъ безрадостнымъ именемъ «вооруженнаго мира». Оно не только осталось одинокимъ, ему суждено было сдѣлаться гонимымъ.

Правительства Англіи и Германіи весьма долгое время считали армянское движеніе результатомъ русской агитаціи, прокладывающей тайные пути къ будущимъ территоріальнымъ захватамъ въ Малой Азіи, простирающей правую руку къ Босфору, а лѣвую—на Персидскій заливъ къ выходу въ Индійскій океанъ. Это убѣжденіе проникло и въ общественное мнѣніе—особенно второй изъ двухъ названныхъ странъ. Одна изъ важнѣйшихъ причинъ малой популярности армянскаго вопроса въ Германіи есть именно питаемая отъ двора константинопольскаго, а отчасти и имперскаго германскаго, клевета, будто вся армянская неурядица—не что иное, какъ ловкая интрига русской завоевательной политики, и армяне, съ ихъ неустаннымъ національнымъ движеніемъ, не болѣе, какъ русскіе агенты, осуществляющіе сознательно и бессознательно грандіозный планъ международной провокаціи къ европейской войнѣ. Несмотря на то, что Россія дала безсчетно много наглядныхъ и, надо говорить откровенно, весьма прискорбныхъ доказательствъ своего глубочайшаго равнодушія (чтобы не сказать болѣе!) къ судьбамъ армянскаго народа, сплетня держится крѣпко,—даже до сихъ поръ. У армянъ въ Германіи есть очень преданные и убѣжденные друзья, какъ, напримѣръ, профессоръ фонъ-Баръ (делегатъ Гаагской кон-

ференціи), директоръ Берлинской обсерваторіи В. Форстеръ, извѣстный соціалистъ-ревізіонистъ Бернштейнъ и др. Армянофиломъ былъ и покойный историкъ Теодоръ Моммсенъ. Но и предубѣжденіе вышеизложенной сплетни раздѣляется многими недюжинными умами даже въ передовыхъ общественныхъ группахъ. Главный контингентъ германскаго армянофильства поставляютъ протестантскія миссіи на Ближнемъ Востокѣ и соприкасающіяся съ ними филантропическія общества и учрежденія, съ извѣстнымъ д-г. Лепциусомъ и Рорбахомъ во главѣ. Но, строго ограниченныя кругомъ религіозной пропаганды и благотворительной дѣятельности, нѣмецкія миссіи, изъ всѣхъ наиболѣе покровительствуемая любезностью султана Абдуль-Гамида, тщательно оберегаютъ себя отъ соприкосновенія съ какою бы то ни было политикою. Страхъ компрометтировать свое «царство не отъ міра сего» предъ царствомъ всецѣло и даже черезчуръ отъ сего міра лишаетъ ихъ симпатіи практической силы и прикладного значенія въ широкомъ, національномъ масштабѣ. Это помощь—весьма многимъ, можетъ-быть,—нуждающимся въ ней, армянамъ, но не армянскому народу. То же самое приходится сказать о миссіяхъ Даніи, Голландіи, Бельгіи, Соединенныхъ Штатовъ, да, пожалуй, и Франціи. Всѣ онѣ слишкомъ дорожатъ свободою религіозно-культурной благотворительной пропаганды, чтобы рисковать политическими протестами, которыми, иначе, въ этой адской странѣ гоненій, въ этомъ Дантовомъ адѣ на поверхности земли, имъ пришлось бы наполнить всю свою дѣятельность.

Затѣмъ, что касается Германіи, не слѣдуетъ забывать нѣкоторой пассивности въ ея общественномъ мнѣніи по вопросамъ внѣшней политики. Германская имперія еще такъ молода, еще такъ полна бorenія внутреннихъ силъ, укрѣпляющихъ демократическіе устои обще-имперской и союзныхъ конституцій, что ея политическимъ людямъ—не до чужихъ нуждъ: свой домъ полонъ хлопотъ, требую-